

Островок счастья

ЛАРИСА РАЙТ

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ – СЕМЬЯ

Готовых рецептов семейного счастья нет и быть не может. Однако книги Ларисы Райт открывают перед читателем множество вариантов построения счастливой семьи. Герои романов Райт совершают ошибки, ссорятся, обижаются, но при этом продолжают любить. Каждая такая история делает нас немного мудрее.

Серия
«За чужими окнами»

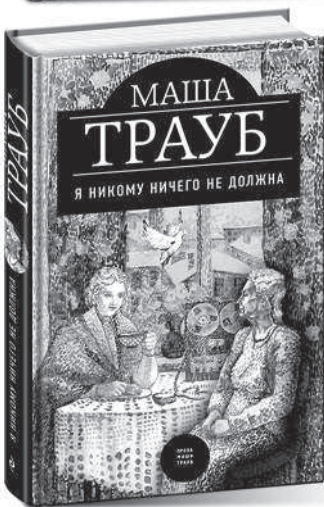
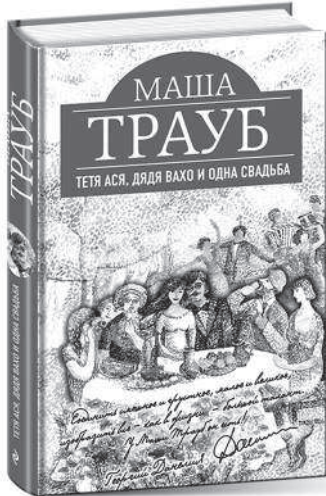
Мария МЕТЛИЦКАЯ

«В книгах Марии Метлицкой яркие характеры, нетривиальные повороты сюжетов, тонкий юмор. Для меня не существует писателей начинающих и продолжающих. Писатель — или он есть, или его нет. Мария Метлицкая — есть».

Виктория Токарева

Соединить смешное и грустное, малое и великое, изобразить все как в жизни – большой талант. У Маши Трауб он есть!

Георгий ДАНЕЛИЯ

Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:

Мама мыла раму

Счастливо оставаться!

Дай на прощанье обещанье

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

*Три женщины
одного мужчины*

Татьяна БУЛАТОВА

*Три женщины
одного мужчины*

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *А. Старикова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Б90 Булатова, Татьяна. Три женщины одного мужчины / Татьяна Булатова. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Дочки-матери. Проза Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-699-82270-6

«Муж и жена — одна сатана» — гласит народная мудрость. Евгений Вильский был уверен, что проживет со своей Женькой всю жизнь — ведь и зовут их одинаково, и друзья у них общие, и дети — замечательные. Но есть еще одна мудрость: «Жизнь прожить — не поле перейти». И смысл этих слов Вильский постиг, когда понял, что не бывает только белого и только черного, только правильного и только неправильного. И половина — это необязательно одна вторая, вопреки законам математики и логики...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82270-6

© Федорова Т. Н., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Женьке Вильскому золотозубая цыганка нагадала долгую жизнь.
— Сколько? — поинтересовался он и зажмурился в предвкушении ответа.

— А сколько ты хочешь? — Пожилая и изрядно потрепанная с виду гадалка ловко перекурила обмусоленную сигарету из одного угла потрескавшегося рта в другой.

— А сколько дашь? — браво тряхнул рыжей челкой Женька и подмигнул стоявшим неподалеку одноклассникам — Вовчику и Левчику, по редкому совпадению носившим одинаковую фамилию Рева, несмотря на отсутствие родственных связей.

— Я не даю, — ухмыльнулась цыганка и схватила парня за руку, заглядывая тому в глаза. — Дэвел дает.

— Кто? — Женька попробовал высвободить руку, но гадалка с силой удержала ее в своей.

— Дэвел, — строго и значительно повторила цыганка, а потом снова ухмыльнулась и кокетливо пропела: — А позолоти девушке ручку..

— Это кто тут у нас девушка? — высокомерно оглядев гадалку с ног до головы, съязвил Женька и вновь попытался выдернуть руку.

Татьяна Булатова

— Я. А что, не похоже? — недобро засмеялась женщина и выплюнула на землю потухшую сигарету. — Денег дашь — скажу.

— Не дам я тебе денег. — Женька наконец-то вырвал руку и автоматически вытер ее о выдавшие виды школьные брюки. Этот жест не ускользнул от цепких цыганских глаз, парню стало неудобно, и он зачем-то объяснил гадалке: — Вспотела.

— Тогда сигарету дай! — потребовала цыганка и грудью пошла на Вильского, не отрывая от него взгляда.

— Нет у меня сигарет, — наврал Женька и попятился.

— Есть, — усмехнулась цыганка и постучала коричневым пальцем по левому лацкану кургузого форменного пиджака. — Тут.

— Нет, — предательски покраснел Вильский.

— Есть, — притопнула ногой гадалка. — Зачем девушку обманываешь? Мне Дэвел все скажет, а ты слушай, рыжий! — Она зажмурилась и зачастила: — Сердце большое, в нем три женщины. Нет, пять.

— Скажи еще: «Шесть!» — съерничал Женька, пытаясь скрыть испуг.

— Шесть, — неожиданно серьезно подтвердила цыганка и снова схватила Вильского за руку. — Но ты — ничей.

— Как это ничей? — струхнул Женька и поискал взглядом товарищей в надежде, что те вызволят его из цыганского плена. Но тем, похоже, самим нужна была помощь: окруженные галдящими цыганками разного возраста, они тщетно пытались прорвать плотную оборону голосистых попрошаек.

— Сюда смотри, не туда! — шикнула на Вильского гадалка и больно стукнула заскорузлыми пальцами по его прыщавому юношескому лбу. — Видишь? — Она поднесла к Женькиным глазам свою темную сухую

Три женщины одного мужчины

ладонь и ткнула в ее середину указательным пальцем левой руки. — Видишь?

— Что?

— Себя! — Голос цыганки стал глуше, она заговорила тихо и, как показалось перепуганному Вильскому, зловеще: — Смотри еще!

Женька послушно вытаращил глаза, но ничего, кроме испещренной глубокими линиями старческой ладони, не увидел. Цыганский фокус не удался, и тогда гадалка спешно поменяла тактику:

— Дай руку!

Вильский беспрекословно протянул. Цыганка дунула в Женькину ладонь и заскользила пальцем по невнятным линиям, еле заметным на светлой, почти белой коже.

— Смотри! — снова скомандовала она, а потом с невольной просочившейся жалостью в голосе сказала: — Два раза хоронить будешь. Проклят будешь. Жить будешь.

— Сколько? — выдавил из себя притихший Женька.

— Сколько Бог даст, столько и будешь, — сердито пояснила гадалка. — Все иметь будешь, а ничего с собой не заберешь. Умный ты, а один!

— А как же шесть женщин? — криво улыбнулся Вильский.

— Как положено: проводят и дальше пойдут. Дел много — жить надо.

— А я? — выдохнул Вильский, и по его веснушчатому лицу разлилась свинцовая бледность, почти стертая густо рассыпанные веснушки.

— И у тебя дел много. — Цыганка выпустила Женькину руку. — На три жизни.

От слов «на три жизни» на душе у Вильского полегчало, и он с остервенением начал рыться в карманах.

Татьяна Булатова

— На! — Женька протянул гадалке смятый бумажный рубль, выданный матерью на школьные обеды, и несколько медяков.

Цыганка, осмотрев добытые честным трудом деньги, сначала взяла рубль, аккуратно сложила его вдвое и засунула в невидимый глазу карман какой-то из многочисленных юбок. Потом двумя пальцами подхватила две копейки, потеряла монету о подол и брезгливо швырнула под ноги стоящим неподалеку товаркам. Причем ни одна из цыганок не потрудилась нагнуться, чтобы поднять монету. На ладони у Вильского оставалось еще два медных кругляшка, каждый достоинством в три копейки.

— Возьмите, — попросил он гадалку, на что та ловко выхватила одну из монет и снова утопила ее в цветастых складках. — А эту? — поинтересовался Женька и показал на монетку, оставшуюся на ладони.

— Себе оставь, рыжий, — разрешила цыганка и шепотом добавила: — В Бога не веришь, глупый. Своим законом жить хочешь. С собой носи, на удачу.

— А сколько я жить-то буду?! — требовала ясности Женькина глупая юность.

— Сколько надо, столько и будешь, — бросила через плечо женщина и степенно направилась к своим соплеменницам, сообщая окучивающим очередную жертву со словами: «Всю правду скажу.. Не бойся».

Пятьдесят лет спустя эта, в сущности, хрестоматийная история совершенно неожиданно всплыла в день похорон Евгения Николаевича Вильского в пересказе поседевших и располневших Вовчика и Левчика, глубоко пожилой матери покойного — Киры Павловны — и трех женщин, пришедших проводить

Три женщины одного мужчины

его в последний путь: кто-то со словами непрощенной обиды, кто-то — благодарности, а кто-то — недоумения, словно песню оборвали на полуслове.

История первая: самая правдивая и короткая

— Женька жару терпеть не мог, — сообщил Лев Викентьевич Рева и с неподдельной грустью посмотрел сперва на лежащего в гробу друга детства, потом на занавешенное темными портьерами окно, а потом снова на лицо покойного. — Да-а-а... — протянул затянутый в костюм Левчик и схватился за сердце, чем привел Киру Павловну в состояние крайнего возбуждения:

— Ты давай еще помри. Одного мне мало!

— Да не про то я, тетя Кира, — отмахнулся от голубоглазой кудрявой старухи Лев Викентьевич, и в груди что-то екнуло. Но не опасное, не страшное, а волнующее, потому что подтверждало, что сам-то он жив и даже может надеяться на грядущие перспективы, которые представлялись ему самыми обнадеживающими.

Льва Викентьевича ждал запланированный еще с зимы круиз по скандинавским странам в сопровождении очередной верной и волнительно юной подружки, о существовании которой Нина, жена, разумеется, догадывалась, но стопроцентной уверенности в измене не имела. Во всяком случае, Левчик Рева делал все, чтобы супруга пребывала в счастливом неведении. Именно с этой целью круиз настойчиво именовался «командировкой по обмену опытом с коллегами из-за рубежа», и, как уверял жену Лев Викентьевич, ехать ему совершенно не хотелось, потому что здесь у него

Татьяна Булатова

семья, внучка-отличница, дача, а там — фьорды, черт бы их подрал, холодная вода и «низкое небо над головой». «Но... — многозначительно ронял Левчик, — ничего не поделаешь: производственная необходимость». И Нина Рева мужественно принимала условия игры и смиренно склоняла голову к надежному плечу кормильца, понимая, что «производственная необходимость» и благосостояние семьи — понятия взаимосвязанные.

Мысль о предстоящем отдыхе взволновала Льва Викентьевича не на шутку: он даже запомнил, что собирался сказать, и с надеждой посмотрел на Киру Павловну, не по годам здравомыслящую, по-прежнему эгоистичную и резкую в оценках женщину.

— Ну? — протянула она недовольно и поправила выбившиеся из-под кружевной косынки непослушные седые кудельки.

— Что? — Левчик для отвода глаз поправил галстук, пытаясь заново сформулировать ускользнувшую мысль.

— Договаривай! — приказала Кира Павловна.

— Лечиться надо было вовремя! — вынес вердикт Лев Викентьевич и строго посмотрел на безмолвного Женьку. — Вовремя! А не за неделю до смерти.

— А чего ж ты ему об этом не сказал? — вступилась за сына Кира Павловна, пытавшаяся найти виновного в случившемся. — Чего ж ты другу-то своему не сказал, Лева, что курить вредно?

— Я сказал, — отказался брать на себя вину Лев Викентьевич. — Я Женьке давно говорил: бросай курить, бросай курить, черт рыжий.

— Так он тебя и послушал, — махнула рукой Кира Павловна и поправила рюшку на обивке гроба. — Никого он не слушал. Вот, бывало, говорю ему: «Не кури! Не кури, сынок, эту гадость!» А он мне: «Курил, мать,

Три женщины одного мужчины

куру и буду курить!» И все, Лева. Никаких разговоров. А ты хотел!

Лев Викентьевич виновато потупился.

— Никто матерей не слушается, — подвела горький итог Кира Павловна и задумалась. — Разве ж это мыслимо? Оставил меня одну, девяностолетнюю старуху: доживай, мать, как хочешь, а я полежу.. Лежишь? — обратилась она к сыну и, не дождавшись ответа, погладила его по холодному лбу. — Вот и лежи теперь, неслух! Все вы неслухи, — неожиданно ласково прошептала она и мелко-мелко затрясла головой, отчего гипюровая косынка соскользнула с волос, и они встали дыбом, распространив вокруг маленькой головы серебристое сияние.

— Не плачьте, тетя Кир, — жалобно попросил Левчик и закрутил головой в поисках верного однофамильца Володи Ревы. — Не плачьте, пожалуйста.

— Как это я плакать, Лева, не буду? — изумилась старуха и с гордостью расправила плечи. — Ты на Вовку-то посмотри. Видишь, как убивается?

Лев Викентьевич заскользил глазами по комнате, но никого, кроме сидевшей напротив себя Женькиной матери, не увидел. На минуту Левчику даже показалось, что старуха сошла с ума, и тогда ради чистоты эксперимента он поинтересовался:

— Где, тетя Кир?

— Ты слепой, что ли, Лева? — заворчала Кира Павловна.

— Здесь я, Левчик, — всхлипнув, выдал себя Вова Рева, пытавшийся спрятаться за дверным косяком.

— Не плачь, Вовчик, — бросился успокаивать друга Лев Викентьевич.

— Не могу, — отказался подчиниться товарищ. — Я недавно мать схоронил. Словно заново все.

Татьяна Булатова

Кира Павловна с интересом посмотрела на седовласого Вовчика, нашла его образ убедительным и покровительственно изрекла:

— Потому что ты, Вова, нормальный человек. Сначала Лиду похоронил, а потом уж сам встал в очередь.

После этих слов школьные товарищи переглянулись.

— А этот, — кивнув головой в сторону покойного, поджала губы старуха, — всегда поперек батьки в пекло неся. Три жизни жить собирался.

— Это ему цыганка нагадала, — в один голос воскликнули осиротевшие друзья, реальные свидетели судьбоносного инцидента полувековой давности.

— Не верю я этим цыганкам, — замотала головой Кира Павловна. — Ни одной не верю! И ему всегда говорила: «Не верь, Женька! Обдурют и женют». А он им еще деньги давал. Видал, что нашла?! — Она повозилась в кармане черного кримпленового платья и вытащила оттуда трехкопеечную монету, датированную 1963 годом. — В кармане у него была, в брюках... В морг вещи собирала — и вот.. Всегда ведь с собой носил. Помню, Женя Веру рожала, а он все монетку подбрасывал: орел, мол, или решка, парень или девка.

— Не хотел он мальчика, — подала голос сидевшая в комнате напротив первая сноха Киры Павловны.

— Это они все так говорят, — отмахнулась от бывшей невестки старуха. — А вы, дуры, верите. Забыл он, — заплакала Кира Павловна и спрятала монету обратно в карман. — Передел брюки-то, а копейку не переложил. Видно, уж так плохо ему было, что забыл. «Ухожу, — говорит, — мама. В больницу. Жди, мол, может, еще и приду». А сам не пришел. И я, дура старая, ничего ему не сказала. Думала: «А как же? А то не придешь?» Разве ж я знала? — Старуха поискала